

— Ван Цзинхан, давай пока оставим в стороне ограбление. Расскажи лучше, куда делись те пятьсот тысяч наличными, которые ты снял в банке шестого июля? — двое сидевших напротив оперуполномоченных сурово смотрели на него.

— Отдал дяде, — Ван Цзинхан на секунду замешкался, а затем, опустив голову, быстро ответил.

— Кто твой дядя? И зачем ты отдал ему деньги?

— Покупал квартиру.

Дядей Ван Цзинхана был бывший партийный секретарь деревни Цайчжуан по имени Цай Ваньдай. Цайчжуан, как следовало из названия, испокон веков был вотчиной клана Цай. И хотя со временем деревня превратилась в типичный пригородный поселок посреди мегаполиса, старые традиции здесь чтили свято: возглавить общину мог только человек по фамилии Цай. Во время сноса и расселения Цай Ваньдай обладал огромной властью и немало погрел на этом руки. Неудивительно, что в Новом городе Цайчжуан у него скопилось приличное количество квартир.

Чтобы проверить показания Ван Цзинхана, Цай Ваньдай вызвали для дачи показаний. Ему было около пятидесяти лет — невысокого роста, с цепким, живым взглядом и печатью житейской спеси на лице.

— Да, он дал мне пятьсот тысяч, — подтвердил Цай Ваньдай, усаживаясь перед Сяо Ма. Он без разрешения закурил сигарету, предварительно вежливо предложив ее полицейскому, а получив отказ, затянулся сам. — Сказал, что положил глаз на одну девчонку, они повздорили, вот он и решил купить ей квартиру в подарок. Хех...

Короткий смешок в конце так и сквозил презрением: поступок племянника, пресмыкающегося перед девицей ради примирения, явно вызывал у него лишь досаду.

— Но почему именно наличными? — Сяо Ма с подозрением прищурился.

— Мой сын жениться собирается, нам как раз нужны были наличные на выкуп за невесту. Вот я и велел парню снять деньги со счета и принести мне. Мы же родственники, обманывать с квартирой я бы его не стал. Это только половина суммы. Как получил эти пятьсот тысяч, сразу отдал ему ключи, чтобы он мог порадовать свою зазнобу. — Цай Ваньдай стряхнул пепел. Как бывший деревенский чиновник, привыкший работать с людьми, он хоть и держался свысока, но старался отвечать на вопросы доходчиво.

Все квартиры, принадлежащие Ван Цзинхану, были сданы в аренду, да и площадью они были велики. Быстро освободить жилье для Ли Тин он не мог, а дарить просторную квартиру парню попросту стало жалко. Поэтому он и решил перекупить у дяди одну из его однокомнатных квартир, которые идеально подходили на роль подарка возлюбленной. Будучи типичным богатым наследником снесённой деревни, сорящим деньгами направо и налево, Ван Цзинхан договорился с дядей о покупке небольшого жилья. Да только ключи подарить так и не успел — Ли Тин погибла.

— И надо же было такому случиться... Выходит, Ван Цзинхан вовсе не собирался убивать Ли Тин? — растерянно пробормотал Чэнь Чжаохуэй, слушавший аудиозапись допроса в соседней комнате.

— А ты и рад верить всему, что он плетет, — сердито отозвался Фан Чуян по телефону. Он

велел Сяо Ма съездить домой к Цай Ваньдаю и проверить те пятьсот тысяч, а также поручил Сяо Чжану запросить в банке серийные номера купюр, чтобы сверить их.

Расследование этого дела требовало времени. Однако Ван Цзинхан, подозреваемый в ограблении, все еще оставался под стражей, так что в ближайшее время на свободу ему было не выйти.

К тому времени как они вышли из полицейского участка, на улицу уже опустились сумерки. Внезапно проявивший навязчивость Генеральный директор Гао увязался за Чжай Чэнем в детский сад за ребенком. Чжай Чэнь плохо видел в темноте и уже собирался достать фонарик, но на дворе еще окончательно не стемнело, так что это выглядело бы довольно глупо. В итоге он просто положил руку на плечо Генерального директора Гао, приспособив своего босса под временного пса-поводыря.

Почувствовав на плече прохладную ладонь, Гао Юйшэн на мгновение напрягся, но тут же расслабился и неторопливо повел спутника к детскому саду. Когда Чжай Чэнь не дышал кислородом, температура его тела была чуть ниже, чем у обычных людей. Зато после ингаляций она резко подскакивала, словно в его мышцы впрыскивали горючее. В детстве Гао Юйшэн не понимал, почему брат с наступлением темноты вечно вис у него на плечах со спины, заставляя тащить себя. Теперь-то все стало ясно: этот парень с малых лет страдал куриной слепотой. Вот только в детстве она была не так выражена, а сейчас, похоже, обострилась.

— Дядя! — еще на подходе к детскому саду раздался голосок Чжай Мэнмэн.

Навстречу им шел хмурый Фан Чуян, держа девочку на руках. Чжай Чэнь подсветил дорогу телефоном и усмехнулся:

— О, Второй дядя уже забрал ее. Знал бы — не торопился.

— Дядя, почему ты опять попал в полицию? — Чжай Мэнмэн, судя по всему, только что наслушалась от Фан Чуяна рассказов об очередных подвигах своего опекуна.

— В какую еще полицию? Твой дядя совершил благородный поступок, — Чжай Чэнь легонько сжал плечо Генерального директора Гао, а затем, вспомнив, что рядом находится подопечный, которого нужно оберегать, помахал Мэнмэн рукой. — Ступай домой со Вторым дядей, а я пока провожу дядю Гао.

Чжай Мэнмэн перевела взгляд на державшего ее Фан Чуяна и послушно обняла его за шею:

— Старший дядя, пойдем.

Услышав это «Старший дядя», Фан Чуян наконец сменил гнев на милость. Он сердито зыркнул на Чжай Чэня, но тут же вспомнил, что тот все равно ничего не видит, и, холодно хмыкнув, зашагал прочь с ребенком на руках. Чжай Мэнмэн пристроила голову на плече Старшего дяди и помахала на прощание Гао Юйшэну.

— Эх, мелкая предательница, — с наигранной скорбью вздохнул Чжай Чэнь, сокрушаясь о столь легком переходе племянницы на сторону противника.

Пользуясь темнотой, Гао Юйшэн не отрываясь смотрел на него.

— Ты очень любишь детей?

— Еще бы. Не люби я их, разве стал бы работать дядей-воспитателем в детском саду? — Чжай Чэнь махнул рукой куда-то в пустоту, где скрылись беглецы, и пошел за Генеральным директором Гао к машине. Сегодня они только и делали, что возили друг друга туда-сюда, конца и края этому не было видно.

— А есть ли... ребенок, который для тебя особенный? — раздался тихий, приятный голос. В нем не слышалось никаких особых эмоций, и лишь едва уловимая дрожь при дыхании выдавала легкое волнение говорящего.

Но беспечный Чжай Чэнь ничего не заметил, сосредоточенно пытаясь разглядеть дорогу своими незрячими в темноте глазами.

— Что за глупый вопрос? — Какой еще особенный ребенок? Он про Чжай Мэнмэн, что ли?

Глаза Гао Юйшэна слегка померкли.

— Да так, ничего. Еще при первой встрече мне показалось, что ты очень похож на одного моего знакомого.

— Тормози, — ах вот оно что! Оказывается, к этому все и велось. Чжай Чэнь оперся рукой о дверцу машины и направил экран телефона себе на лицо, подсвечивая его снизу вверх. — Подлизываться бесполезно. Даже если мы с тобой с пеленок знакомы, скидку на услуги телохранителя ты не получишь.

Глядя на его лицо, которое в мертвенно-белом свете экрана напоминало физиономию коллектора, явившегося за долгами, Гао Юйшэн сдержанно улыбнулся.

Вернувшись домой, Гао Юйшэн обнаружил на разделочной доске недоделанное рагу из баклажанов. Очищенные от кожицы овощи уже успели подсохнуть и сморщиться. Однако выбрасывать продукты он не любил, поэтому сполоснул увядшие баклажаны водой и отправил их тушиться в кастрюлю. Насухо вытерев руки, он приоткрыл дверь в одну из комнат.

Внутри автоматически зажегся свет, залив комнату ярким сиянием. Это была небольшая мастерская, почти не заставленная мебелью. На мольберте посреди комнаты стояла неоконченная картина. На фоне живописных зеленых гор и прозрачной воды бежали, держась за руки, юноша и маленький ребенок. Краски были яркими и живыми, но у юноши на картине не было лица.

Гао Юйшэн взял кисть и заполнил пустоту, прорисовав глаза, брови, нос и губы. Юноша обрел красивое лицо с ясными глазами и легкой улыбкой. Стоило чертам лица Чжай Чэня занять свое место, как картина вмиг обрела завершенность.

Вернувшись к себе, Чжай Чэнь поужинал и теперь отдыхал на диване с Чжай Мэнмэн на руках, лениво поглаживая малышку по голове. Но почему-то слова Гао Юйшэна никак не выходили у него из головы. Ребенок... Особенности ребенка? Конечно, такой был. Он стал для Чжай Чэня самым первым воспоминанием о тепле и нежности этого мира.

Сначала девочке это нравилось, но когда прошел добрый полчас, а дядя все продолжал гладить ее по макушке — с явным намерением стереть все волосы, — она поспешила высвободить голову и умчалась прочь. Оставшись без дела, Чжай Чэнь потянулся погладить по голове Фан Чуяна, но тот сразу же с размаху шлепнул его по руке.

— О чем ты там замечтался? Посмотри на себя, рожа дурацкая, слюни сейчас потекут, — Фан

Чуян брезгливо отодвинулся подальше.

— А мне кажется, что Гао Юйшэн очень похож на того ребенка, — внезапно произнес Чжай Чэнь, словно его самого только что осенило.

— На какого еще ребенка? — Фан Чуян не понимал, с чего вдруг тот опять сходит с ума.

— На Тяньцы, — чем больше Чжай Чэнь думал об этом, тем отчетливее видел сходство. Вот откуда взялось то странное чувство дежавю в самом начале — это была поразительная интуиция.

— Тяньцы?.. Тот мальчик, с которым ты познакомился в горах? Да быть не может. Ты вообще знаешь, кто такой Гао Юйшэн? — Фан Чуян замотал головой как китайский барабанчик и легонько хлопнул друга по лбу. Чжай Чэнь настолько истосковался по этому ребенку, что теперь видел его в каждом встречном. К тому же у него с детства была отвратительная зрительная память на лица: он помнил мальчика только маленьким и никак не мог сопоставить его образ с лицом взрослого человека.

— И что с того? — Чжай Чэнь нахмурился.

— А то, что машина марки «Цзюи», на которой ты ездишь, производится его семьей. Слышал про Корпорацию «Цзюи»? Это богатейший и влиятельнейший клан. Как их наследник может быть тем замарашкой, которого ты встретил в глуши? — Фан Чуян вздохнул.

— Да ну?.. — Чжай Чэнь опустил голову и ненадолго задумался. Затем он вытащил листок бумаги и принялся что-то быстро рисовать. Закончив, он вlepил Фан Чуяну звонкий подзатыльник: — Тяньцы — городской мальчик, с чего бы ему быть замарашкой! Пусть он сильно изменился, но они все равно похожи. Гляди сам!

<http://bllate.org/book/18293/1757009>